

С тех пор как она получила письмо из дома, тревога не покидала ее: госпожа Юй беспрестанно волновалась, не вернется ли странный недуг Ань Чанцина и не страдают ли ее сын от холода и пренебрежения в далеком Яньчжоу. Но первой же встречи хватило, чтобы понять: трусливому Ань Чжикэ ни за что не сравниться с великодушием Бэйчжань-вана. Любовь в глазах князя невозможно было подделать: Сяо Чжигэ не только не испугался недуга Ань Чанцина и не принял его за чудовище, но, напротив, окружил его бережной заботой и защитой.

От автора: Сонсон: Сегодня мне удалось завоевать расположение тёщи (я просто молодец!).

В детстве Ань Чанцин долго не мог понять, почему, будучи сыном того же отца, именно он неизменно наталкивался на холодные взгляды. На праздничных семейных пирах или в гостях его словно не замечали, вычеркивая из общей жизни. Слуги же не упускали случая со злорадством припомнить те времена, когда наложница Юй пользовалась небывалым благоволением. Чем чаще он слышал о былом величии, которого сам не помнил, тем сильнее сжималось сердце от обиды и несправедливости. Не то чтобы он не завидовал двум старшим братьям, просто с годами, познав слишком много разочарований, он научился ничего не ждать.

И все же этот немой вопрос оставался глубоко в его душе. Он не смел спросить госпожу Юй, боясь ранить материнское сердце. Единственным человеком, кому он однажды открыл эту горечь, был Сяо Чжигэ. Позже, послушавшись совета Сяо Чжигэ, он попытался отпустить так называемую отцовскую любовь и больше ни на что не надеялся со стороны Ань Чжикэ.

Но именно теперь, когда он решил окончательно забыть о прошлом, терзавший его с детства вопрос внезапно обрел ответ.

Столь абсурдная и смехотворная правда невероятно точно отражала эгоистичную и корыстную природу Ань Чжикэ.

Остатки досады, всё ещё теплившиеся на дне души Ань Чанцина, развеялись без следа, словно дым.

Глядя на обеспокоенное лицо госпожи Юй, он ласково сжал ее руку и тихо успокоил:

— Красные узоры — это мелочь. На самом деле я написал матушке, чтобы рассказать о другом...

Ань Чанцин запнулся, помедлив с откровенным признанием. Он невольно оглянулся на Сяо Чжигэ и, встретив в глазах мужчины безграничное понимание и поддержку, медленно выдохнул. Посмотрев на госпожу Юй, он продолжил:

— ...Помнит ли матушка то, что я писал о племени цзяожэнь? В племени цзяожэнь неважно, мужчина ты или женщина: каждый, у кого есть такой красный узор, способен выносить и родить дитя... Во мне, должно быть, течет кровь племени цзяожэнь, и я... тоже могу родить.

Нервно следя за выражением лица госпожи Юй, Ань Чанцин подсознательно коснулся своего плоского живота и наконец произнес их общую тайну:

— Я беременен уже почти четыре месяца. Матушка... скоро станет бабушкой.

Госпожа Юй замерла. Казалось, она услышала его слова, но до конца не смогла осознать их смысл, растерянно глядя на сына.

Боясь испугать ее еще сильнее, Ань Чанцин молчал. Лишь спустя долгое время госпожа Юй

тяжело выдохнула:

— Это правда? Не навредит ли это твоему здоровью?

С этими словами она принялась суетливо осматривать Ань Чанцина с головы до ног. Ее взгляд замер на его животе, а на лице проступило сомнение:

— Почти четыре месяца... но животик совсем не виден. Может, лекарь ошибся? Откуда в нашей семье взялась крови племени цзяожэнь...

На полуслове она внезапно вспомнила, что ничего не знает о собственных родителях. Если подумать, о ее роде и впрямь нельзя было утверждать наверняка. Лицо госпожи Юй омрачилось, она глубоко вздохнула и произнесла с виноватым видом:

— Это я виновата перед тобой...

Из-за того что она была выходцем из публичного дома, ее дети с малых лет терпели насмешки и упреки, а теперь из-за ее неизвестного происхождения старшему сыну, будучи мужчиной, пришлось вынашивать дитя.

— Если бы не матушка, разве появился бы я на свет? К чему между матерью и сыном говорить о вине? — Ань Чанцин, видя ее раскаяние, поспешил сжать ее ладони. — Сначала мне и самому было непривычно, но со временем я подумал, что иметь ребенка — это прекрасно.

— Князь ведь тоже рад, правда? — Ань Чанцин незаметно задел Сяо Чжигэ локтем и подмигнул ему.

Сяо Чжигэ тут же с серьезным видом подтвердил:

— Но-но прав. Это наша с Но-но плоть и кровь, и мы оба очень ждем этого ребенка. Однако мужская беременность — дело небывалое, поэтому, чтобы избежать опасностей, мы и хотели спросить у тещи, не знает ли она чего-нибудь.

Госпожа Юй честно попыталась вспомнить, но о своих родных она действительно ничего не ведала: сколько себя помнила, она росла в веселом доме. В детстве хозяйка и наставница учили ее стихам, каллиграфии, правилам приличия, игре на цине и живописи. Когда она подросла и о ее красоте заговорили вокруг, ее стали выводить к гостям, приходящим ради нее. А потом... вспыхнуло взаимное чувство с Ань Чжикэ, и ее на маленьком паланкине привезли в поместье Ань.

— Я действительно ничего не знаю. Единственное, что оставили мне родные в пеленках, — это нефритовый кулон «Двойная рыба». На нем был вырезан иероглиф «Юй», потому я и взяла эту фамилию.

Они надеялись, что госпожа Юй прольет свет на эту тайну, но даже она не знала истины. Ань Чанцин и Сяо Чжигэ переглянулись и мысленно вздохнули. Впрочем, Ань Чанцин не стал продолжать расспросы, чтобы не заставлять мать снова винить себя:

— Раз матушка не знает, ничего страшного. Князь отправит людей расспросить получше. Дорога сегодня была утомительной, я уже велел Ань Фу приготовить покои, не пора ли вам отдохнуть?

Госпожа Юй вздохнула и отправилась за слугами обустраиваться в заднем дворе.

Когда они прибыли в Яньчжоу, был уже полдень. После приветственного пира пришлось еще долго обсуждать дела в кабинете, и когда они освободились, на город уже опустились сумерки. Ань Чанцин проводил госпожу Юй в прибранный двор. Служанки уже ловко разложили сундуки и вещи. Раньше эти девушки были простыми крестьянками из поместья, но после обучения их приставили прислуживать госпоже Юй и Ань Сяньюй. В Яньчжоу с собой взяли самых сообразительных и усердных, так что они управились со всем без лишних указаний.

Убедившись, что во дворе царит полный порядок и помощь не требуется, Ань Чанцин немного посидел у матери и вместе с Сяо Чжигэ вернулся в главные покои.

В последнее время его постоянно клонило в сон, и он ложился очень рано. Сяо Чжигэ уже привык к его распорядку. Едва Ань Чанцин умылся, князь принес деревянный таз с теплой водой приятной температуры, чтобы тот смог погреть ноги.

В августе стояла жара, и Ань Чанцин был одет в укороченное нижнее платье, из-под которого виднелись тонкие белые голени. На ногах были мягкие домашние туфли. Сяо Чжигэ не волновало, что подобная работа предназначалась слугам: как только Ань Чанцин присел на край кровати, он лично снял с него обувь и опустил его стопы в воду.

После нескольких неудачных попыток воспротивиться Ань Чанцин опустил руки и смиренно позволил мужчине массировать ему стопы. Говорили, этому методу Сяо Чжигэ научился у Ху Шифэй: массаж не только улучшал кровообращение, помогая ребенку правильно расти, но и предотвращал отеки на ногах.

Мужчина стоял на одном колене перед тазом, положив одну стопу юноши себе на колено, и бережно разминал его подошву. Привычно суровое и холодное лицо Сяо Чжигэ смягчалось лишь тогда, когда он смотрел на Ань Чанцина, отбывая нежность, не предназначенную ни для чьих чужих глаз.

Ань Чанцин поджал губы, а в уголках его рта мелькнула лукавая улыбка:

— Если кто прознает, что Бэйчжань-ван дома сам моет ноги своей ванфэй, твоему величию придет конец.

— Величие — для чужаков, — не поднимая головы, ответил Сяо Чжигэ, продолжая размеренно массировать его стопу. — Но-но, разумеется, совсем иной.

Ань Чанцин хотел лишь подшутить над ним, но эти слова невольно затронули самые чувствительные струны его сердца. Он шевельнул пальцами ног, слегка ткнул кончиком стопы в грудь мужчины и вдруг тихо произнес:

— Князь тоже другой.

Сяо Чжигэ поднял взгляд, и в его глазах читалась бескрайняя любовь.

Ань Чанцин улыбнулся и признался в том, что давно хранил в глубине души:

— Я буду рожать детей только для князя.

Будь на его месте кто-то другой, он бы никогда не согласился выносить ребенка, даже имея кровь иного племени. Дело было не в смертельной опасности, а в представлениях,

укоренившихся за долгие годы: мысль об уходе за дитяти от другого мужчины вызывала у него отторжение.

Но раз этим человеком был Сяо Чжигэ, все страхи и сомнения растворились, уступив место трепетному счастью.

Так же как Сяо Чжигэ ради него был готов не брать наложниц и оставить свой род без продолжения, так и он ради него смог перешагнуть через смущение и преодолеть страх перед собственной инаковостью. Стоило ему подумать о том, что семя, растущее внутри него, — это их общая плоть и кровь, как любая тревога сменялась непоколебимой уверенностью.

А каждое слово и каждый жест Сяо Чжигэ становились истоком этой уверенности.

Теперь, вспоминая прошлую жизнь, он чувствовал не только сожаление о своей былой слабости и трусости, но и глубокую благодарность за этот шанс. Он радовался, что небеса позволили ему начать все сначала, и что в день свадьбы он нашел в себе смелость сжать протянутую ему руку.

Именно поэтому они были вместе день за днем. И что бы их ни ждало — бури или затишье, — они пройдут этот путь рука об руку.

Сяо Чжигэ вытер его ноги мягким полотенцем и трепетно поцеловал юношу в подъём стопы:

— Спасибо за твои труды, Но-но.

<http://bllate.org/book/18381/1767828>